

Концепция устойчивого развития в проекции современных трансформационных трендов: новая реальность и новые возможности для бизнеса

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; jeakuklina@mail.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность темы статьи обусловлена значением концепции устойчивого развития для успешного функционирования предприятий в условиях новой реальности. **Целью** статьи является анализ концепции устойчивого развития в проекции современных трансформационных трендов. **Задачи:** рассмотреть эволюцию концептуальных положений устойчивого развития; выполнить анализ целей устойчивого развития ООН в контексте формирования «зеленой» повестки; оценить влияние тренда цифровой трансформации на цели устойчивого развития; выявить новые возможности реализации концепции в условиях новой реальности; определить риски ESG-трансформации и риски цифровой трансформации. **Методы.** Системный подход, логический анализ, синтез. **Результаты.** В современных условиях функционирования экономических систем цели устойчивого развития являются ориентиром для разработки стратегий не только на государственном уровне, но и на уровне отдельных компаний; новым вектором развития бизнеса является ESG-трансформация. Результатом развития глобализации и усиления влияния транснациональных корпораций стало смещение фокуса концепции устойчивого развития от национального уровня к корпоративному. Общее направление ESG-подхода к управлению развитием экономических систем всех уровней будут задавать международные тренды. В наибольшей степени цели устойчивого развития ООН соотносятся с социальным критерием (11 целей), в то время как на экологический критерий и критерий корпоративного управления приходится по 8 целей. Полное совпадение по всем ESG-критериям наблюдается по двум целям («Индустриализация, инновации и инфраструктура; «Ответственное потребление и производство»). Наиболее значимыми для компаний в краткосрочной перспективе являются экологические и социальные риски; в долгосрочной перспективе наиболее значим критерий «Оценка климатических рисков на уровне активов». При разработке и реализации корпоративных стратегий необходимо учитывать ESG-риски, а также возможные угрозы экономической безопасности (ресурсное замещение, рост интеллектуальной собственности, кибератаки, промышленный шпионаж). **Выводы.** Актуализированная концепция устойчивого развития позволяет обеспечить экономический рост при его сбалансированности с потребностями общества по улучшению качества жизни, предотвращению деградации окружающей природной среды, но при условии обеспечения безопасности и защищенности.

Ключевые слова: устойчивое развитие, ESG-критерии, цифровая трансформация, бизнес, бизнес-модель, стратегия, риски, угрозы, экономическая безопасность

Для цитирования: Куклина Е. А. Концепция устойчивого развития в проекции современных трансформационных трендов: новая реальность и новые возможности для бизнеса // Управленческое консультирование. 2022. № 6. С. 64–78.

The Concept of Sustainable Development in the Projection of Modern Transformational Trends: A New Reality and New Opportunities for Business

Evgenia A. Kuklina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; jeakuklina@mail.ru

ABSTRACT

The relevance of the topic of the article is due to the importance of the concept of sustainable development for the successful functioning of enterprises in the new reality. The purpose of the article is to analyze the concept of sustainable development in the projection of modern transformational trends. Tasks: to consider the evolution of the conceptual provisions of sustainable development; perform an analysis of the UN sustainable development goals in the context of the formation of the "green" agenda; assess the impact of the digital transformation trend on sustainable development goals; identify new opportunities for implementing the concept in a new reality; identify ESG transformation risks and digital transformation risks. Methods. System approach, logical analysis, synthesis. Results. In modern conditions of the functioning of economic systems, sustainable development goals are a guideline for developing strategies not only at the state level, but also at the level of individual companies; ESG transformation is a new vector of business development. As a result of the development of globalization and the strengthening of the influence of transnational corporations, the focus of the concept of sustainable development has shifted from the national level to the corporate one. The general direction of the ESG approach to managing the development of economic systems at all levels will be set by international trends. To the greatest extent, the UN Sustainable Development Goals correlate with the social criterion (11 goals), while the environmental criterion and the criterion of corporate governance account for 8 goals each. Full coincidence in all ESG criteria is observed for two goals ("Industrialization, innovation and infrastructure; Responsible consumption and production"). The most significant for companies in the short term are environmental and social risks; in the long term, the most significant criterion is "assessment of climate risks at the asset level". When developing and implementing corporate strategies, it is necessary to take into account ESG risks, as well as possible threats to economic security (resource substitution, growth of intellectual property, cyberattacks, industrial espionage). Findings. The updated concept of sustainable development makes it possible to ensure economic growth when it is balanced with the needs of society to improve the quality of life, prevent degradation of the natural environment, but subject to ensuring safety and security.

Keywords: sustainable development, ESG criteria, digital transformation, business, business model, strategy, risks, threats, economic security

For citing: Kuklina E. A. The Concept of Sustainable Development in the Projection of Modern Transformational Trends: A New Reality and New Opportunities for Business // Administrative consulting. 2022. N 6. P. 64–78.

Введение

Термин «устойчивое развитие» (УР) впервые появился в 1987 г. после опубликования аналитического доклада «Наше общее будущее», в котором была зафиксирована необходимость обеспечения развития такого типа, при котором «удовлетворение потребностей настоящего времени не подрывает способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [6]. Собственно концепция УР общества была принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся на уровне глав государств и правительств в июне 1992 г. в Рио-де-Жанейро.

Россия присоединилась к процессу достижения УР, что, по нашему мнению, вполне естественно и закономерно, так как эта концепция возникла на основе учения русского философа В.И. Вернадского о ноосфере и соответствует как генетическому коду, так и менталитету русского человека. «Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» как официальный документ была утверждена Указом Президента РФ № 440 от 1 апреля 1996 г. и предполагала последовательное решение ряда таких принципиальных задач, как: «обеспечение стабилизации экологической ситуации; коренное улучшение состояния окружающей среды за счет экологизации экономической деятельности в рамках институцио-

нальных и структурных преобразований; введение хозяйственной деятельности в пределы емкости экосистем на основе массового внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий, целенаправленных изменений структуры экономики, структуры личного и общественного потребления» [8].

В июне 2012 г., также в Рио-де-Жанейро, прошла очередная Конференция ООН по УР («Рио плюс 20»), в которой приняли участие 135 глав государств и правительств. К итоговому документу Конференции ООН «Рио плюс 20» Российская Федерация подготовила свои предложения, в том числе и предложение считать ключевыми элементами новой парадигмы УР изменение концепции потребления и концепции ведения бизнеса¹.

Практическая реализация концептуальных положений УР для бизнеса означает существенное увеличение и рост значимости факторов, которые усложняют внешние условия. К таким императивам внешнего окружения организации, как уровень конкуренции, стоимость ресурсов, требования безопасности и др., все активнее добавляются более жесткие экологические требования и социальные аспекты ведения бизнеса. Сейчас уже многие ведущие корпорации достаточно активно используют положения концепции УР в разработке своей корпоративной стратегии и считают важным отразить свою ответственность за сохранение биосферы в будущем [3, 4 и др.].

В третьем тысячелетии возникла необходимость в формировании нового курса по достижению УР, что привело к принятию в 2015 г. «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», включающей 17 целей УР (ЦУР ООН) и 169 задач УР. Сейчас ЦУР ООН служат основным ориентиром для достижения развития устойчивого типа и учитываются при разработке планов и стратегий компаниями как государственного, так и негосударственного (частного) сектора экономики.

Целью настоящего исследования является анализ концепции УР в проекции современных трансформационных трендов, один из которых обусловлен разработкой принципов ответственного инвестирования (в соответствии с ESG-подходом), а второй — процессом цифровой трансформации, отражающим реальности информационной эры.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: рассмотреть эволюцию концептуальных положений УР; выполнить анализ ЦУР ООН в контексте формирования «зеленой» повестки; оценить влияние тренда цифровой трансформации на цели УР; выявить новые возможности реализации концепции УР в условиях новой реальности; определить ESG-риски для бизнеса и угрозы цифровой трансформации экономики.

Материалы и методы

Теоретической и методологической основой исследования явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам УР. Методологическое решение проблем предметной области исследования базируется на диалектических методах познания. В качестве методической основы исследования использовался системный подход, логический анализ, синтез. Информационную базу исследования составили научные публикации в специализированных журналах, интернет-ресурсы.

¹ Доклад о реализации принципов устойчивого развития в Российской Федерации. Российский взгляд на новую парадигму устойчивого развития. Подготовка к «Рио+20» [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/1048natreprus.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).

Результаты

Прологом к возникновению концепции УР стало появление в середине XX в. новых взглядов и различных концепций, которые базировались на понятии «социальная ответственность» (концепция социальной ответственности бизнеса; концепция корпоративной социальной ответственности; концепция корпоративной социальной деятельности и др.). В 80-е годы XX в. появилась концепция заинтересованных сторон (стейкхолдеров) и концепция этики бизнеса, а к концу XX века получила признание и стала развиваться на фундаменте имевшегося к тому моменту научного бэкграунда концепция устойчивого развития.

Один из ведущих специалистов в сфере взаимоотношений бизнеса и общества А. Керолл (A. Carroll) справедливо рассматривает эти концепции в контексте развития теории корпоративной социальной ответственности (КСО) как некоего «ядра, согласованного с альтернативными концепциями или трансформирующегося в них» [12, p. 268]. Следует согласиться с тем, что именно «этот подход позволяет перевести проблему из общих рассуждений о роли бизнеса в развитии общества к анализу деятельности конкретного предприятия» [1, с. 19].

Можно сказать, что появлению и дальнейшему развитию концепции УР (как глобальной инициативы) способствовало появление КСО (как управленческой корпоративной инициативы). Но, в отличие от КСО, которая ориентировалась на удовлетворение, большей частью, текущих ожиданий стейкхолдеров, на обеспечение жизнеспособности в краткосрочной и среднесрочной перспективе, УР ориентировано на удовлетворение ожиданий заинтересованных сторон в долгосрочной перспективе. Перечень основных международных инициатив в области УР с характеристикой их значимости (результата) приведен в табл. 1.

Анализ международных инициатив в области УР позволяет сделать следующие выводы: ЦУР ООН стали ориентиром для разработки стратегий УР и социального развития не только на государственном уровне, но и на уровне отдельных компаний, выбирающих те цели, которые в большей степени сочетаются с реализуемой ими бизнес-моделью; новым вектором развития бизнеса в концепции УР является ESG-трансформация. Исследование KPMG показывает, что доля 250 крупнейших компаний, которая выстраивает бизнес-модель, исходя из ЦУР ООН, в 2020 г. составила 72%: 175 из 250 крупнейших компаний в мире ориентируются на ЦУР ООН при формировании бизнес-стратегии (табл. 2).

Основными отраслями, на которые приходится наибольшая доля компаний, выстраивающих бизнес-модель исходя из ЦУР ООН, являются автомобильная и нефтегазовая промышленность. Так, например, деятельность компании ПАО «Газпром нефть» затрагивает все 17 ЦУР ООН, при этом приоритетными являются такие цели, как «Хорошее здоровье и благополучие», «Недорогостоящая и чистая энергия», «Достойная работа и экономический рост», «Борьба с изменением климата».

ESG-подходы, сформулированные ООН, закреплены в документе «Принципы ответственного инвестирования»; перечень принципов постоянно увеличивался и сегодня он состоит уже из 17 позиций. Принципы ответственного инвестирования представляют собой комплекс добровольных принципов в целях минимизации рисков долгосрочного инвестирования посредством включения ESG-факторов в инвестиционные стратегии компаний. По данным британской аудиторско-консалтинговой компании EY, 97% инвесторов сегодня ориентируются на ESG-принципы, принимая решения в отношении инвестирования. ESG-инвестирование как форма социально ответственного инвестирования включает: зеленые облигации, средства от выпуска которых направляются на зеленые/экологические проекты; социальные облигации, средства от выпуска которых направляются на социальные проекты; зеленый кредит для финансирования зеленых/экологических проектов; социальный

**Международные инициативы в области устойчивого развития
и сопряженных областях**

Table 1. International Sustainable Development and Related Areas Initiatives

Год	Веха/Событие	Результат/Значимость
1980-е	Появление концепции КСО	Движение в направлении УР трансформирует бизнес-стратегию компании, выделяя важную роль КСО как стратегической функции предприятия
1992	Конференция ООН по окружающей среде и развитию	Формируется структурированная терминология УР. Принята «Повестка дня на XXI век», направленная на реализацию национальными правительствами концепции глобального УР
1995	Появление термина «цифровая экономика» (digital economy) и концепции электронной экономики	Показаны преимущества использования ИКТ в экономической деятельности
1997	Формирование Глобальной инициативы по отчетности (GRI) в области устойчивого развития	Отражает глобальные инициативы, единые стандарты и рекомендации нефинансовой отчетности компаний; руководство по отчетности в области УР построено таким образом, что оно гармонично сочетается с другими руководствами в области УР (например, «руководством Осло»)
2006	Основание Совета по стандартам раскрытия информации о экологических и природных аспектах деятельности организаций (CDSB)	Организация не занималась разработкой новых стандартов, а использовала уже существующие стандарты для создания своего руководства в помощь компаниям
2007	Представление принципов ответственного инвестирования (PRI), разработанных по инициативе Генерального секретаря ООН	PRI представляют собой комплекс добровольных принципов ответственного инвестирования с целью минимизации рисков долгосрочного инвестирования посредством включения ESG-факторов в инвестиционные стратегии
2011	Утверждение Директивы ЕЭК по нефинансовой отчетности для крупных компаний	Директива обязывает компании раскрывать информацию по социальному и экологическому воздействию на окружающую среду
2015	Формирование Целей устойчивого развития (ЦУР ООН) до 2030 г.	ЦУР направлены на ликвидацию бедности, наращивание экономического роста и решения целого ряда вопросов в области образования, здравоохранения, социальной защиты и трудоустройства, а также борьбе с изменением климата и защите окружающей среды. Россия вошла в список из 193 стран, принявших эти цели

Год	Веха/Событие	Результат/Значимость
2016	Включение в структуру GRI трех модульных стандартов. На саммите G20 Рабочая группа по «зеленому» финансированию (GFSG) представила доклад, описывающий важность, цели и перспективы устойчивого развития	Модульные стандарты упростили процедуру подготовки отчетности компаний. Новая структура GRI содержала 33 специализированных стандарта, которые организации могут выбирать по своему усмотрению. В 2018 г. группа была преобразована в Рабочую группу по устойчивому финансированию (SFSG), а ее полномочия были расширены
2017	Разработка рекомендаций в отношении добровольного раскрытия информации о финансовых рисках компаний, которые возникают в связи с глобальным изменением климата (TCFD)	Создание группы по регулированию «зеленой» экономики (NGFS), в которую входят 83 центральных банка и другие органы финансового надзора
2018	На Экономическом форуме в Давосе была поставлена задача научного осмысления новой реальности, обусловленной очередной технологической революцией	Происходящие в мире изменения в связи с активным развитием цифровых технологий существенно меняют повседневную жизнь и ставят перед научным сообществом крайне важную задачу
2019	На ВЭФ была представлена ESG-карта (ESG Ecosystem Map). Публикация 6 принципов ответственного банковского дела, направленных на обеспечение единой основы для развития устойчивой банковской отрасли. Программа ООН по окружающей среде (UNEP FI)	В ESG-карте были объединены все важнейшие ESG-инициативы. Принципы определяют роль и ответственность банковского сектора в формировании устойчивого будущего в соответствии с ЦУР ООН, а также в соответствии с Парижским соглашением по климату 2015 г.
2020	В отчете Всемирного экономического форума впервые широко обсуждались риски, связанные с изменением климата. Принято положение о таксономии ЕС. В феврале 2020 г. на встрече Базельского комитета по банковскому надзору была создана Целевая группа по финансовым рискам (TCFR), связанным с изменением климата	Таксономия способствует достижению целей ЕС по повышению устойчивости к изменению климата, в частности, достижению к 2050 г. нулевых выбросов в атмосферу. Также она призвана обеспечивать наиболее полную картину возможностей для инвесторов, которые помогут выполнить климатические цели Европы (развить низкоуглеродистые сектора, снизить углеродный след в секторах с высоким уровнем выбросов)

Год	Веха/Событие	Результат/Значимость
2021	<p>В марте 2021 г. на встрече SFSG со странами G20 обсуждалась разработка многолетней дорожной карты по устойчивому финансированию с целью рассмотрения основных препятствий и ключевых действий в направлении устойчивого развития для стран G20.</p> <p>В апреле 2021 г. образована новая ассоциация для финансового сектора Net Zero Banking Alliance</p>	<p>С 01.03.2021 г. деятельность всех участников финансового рынка в ЕС должна соответствовать постановлению о раскрытии информации об устойчивом финансировании (SFDR).</p> <p>Net Zero Banking Alliance объединил 43 банка из 23 стран мира, которые к 2050 г. намерены привести свои инвестиционные портфели в соответствии с нулевыми выбросами</p>

Таблица 2

Доля компаний, ориентирующихся на глобальные цели ООН по странам, в порядке убывания (%)

Table 2. Percentage of companies targeting UN global targets by country, in descending order (%)

Страна	2017 г.	2020 г.
Япония	46	96
ФРГ	83	94
Франция	63	78
США	32	54
КНР	5	48
Всего по 250 крупнейших компаний мира	43	72

Источник: KPMG, Survey of Sustainability Reporting, 2020 г.¹

Таблица 3

Характеристика ESG-критериев
Table 3. Characteristics of ESG criteria

Критерий	Характеристика критерия	ЦУР
Е Экологический критерий (environmental)	Критерий определяет, насколько компания заботится об окружающей среде. Он включает влияние на изменение климата, учитывает выбросы парниковых газов и меры по его сокращению, расходы воды, соблюдение экологических законов, инициативы в экологии и использование природных ресурсов	№ 6, 7, 9, 11, 12, 13, 14, 15

¹ Рынок ESG-инвестирования в России: настоящее и будущее. FrankRG для Россельхозбанка, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rshb.ru/download-file/472115/> (дата обращения: 18.01.2022).

	Критерий	Характеристика критерия	ЦУР
S	Социальный критерий (social)	Критерий характеризует отношение компании к персоналу, поставщикам, клиентам и партнерам и соблюдение прав человека, условий труда и найма, охраны здоровья и безопасности, учет демографических изменений, борьба с социальной отверженностью и неравенством, поддержка волонтерской работы сотрудников и благотворительных инициатив	№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 16
G	Критерий корпоративного управления (governance)	Критерий отвечает на вопросы «кто управляет компанией и как?». Он связан с эффективностью работы руководства, обоснованностью вознаграждения топ-менеджмента, правами акционеров, структурой и гендерным составом руководителей, налоговой стратегией, эффективностью правовых норм, а также отсутствием мошенничества и коррупции	№ 5, 8, 9, 11, 12, 13, 16, 17

кредит для финансирования социальных проектов; ESG-кредит для финансирования зеленых/экологических и социальных проектов; ESG-облигации и др.¹

Общее направление ESG-подхода к управлению развитием экономических систем всех уровней — от национального до корпоративного — будут задавать международные тренды по УР. Анализ декомпозиции 17 ЦУРООН по ESG-критериям (табл. 3) и их совпадение (табл. 4) позволяет заключить следующее: в наибольшей степени совокупность ЦУР ООН соотносятся с социальным критерием (11 целей из 17), в то время как на экологический критерий и критерий корпоративного управления приходится по 8 целей; полное совпадение по всем ESG-критериям наблюдается по ЦУР № 9 («Индустриализация, инновации и инфраструктура») и ЦУР № 12 («Ответственное потребление и производство»).

Анализ матрицы ESG-критериев (показывающий степень значимости каждого критерия для бизнеса и заинтересованных сторон, а также сложность и сроки достижения данных критериев в стратегии компаний), выполненный FrankRG, показал следующее²:

- наиболее значимыми для компаний в краткосрочной перспективе являются экологические и социальные риски;
- критерий «Оценка климатических рисков на уровне активов» в долгосрочной перспективе не только значим для заинтересованных сторон, но и потенциально может оказать влияние на бизнес, так как затрагивает экологические риски и риски корпоративного управления в долгосрочной перспективе;
- критерий «Стратегия местного экономического влияния» имеет достаточно сложную структуру (включая в себя экологические риски, социальные риски и риски корпоративного управления), охватывая широкую область, поэтому данный ESG-

¹ Руководство по ESG-трансформации предприятий, проект: «Климатически нейтральная хозяйственная деятельность: внедрение наилучших доступных технологий (НДТ) в РФ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.good-climate.com/materials/files/214.pdf> (дата обращения: 18.01.2022).

² Рынок ESG-инвестирования в России: настоящее и будущее. FrankRG для Россельхозбанка, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rshb.ru/download-file/472115/> (дата обращения: 18.01.2022).

Матрица ЦУР ООН в разрезе ESG-критериев
 Table 4. UN Sustainable Development Goals Matrix by ESG Criteria

	№ ЦУР ООН																
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
E																	
S																	
G																	

критерий существенно не значим ни для заинтересованных сторон и не имеет потенциального влияния на бизнес.

Рассмотрим влияние цифровой трансформации на цели реализации концепции УР, что обусловлено появлением термина «цифровая экономика» (digital economy) и концепции электронной экономики как реалий информационной эры, пришедшей на смену промышленной эре. В 1995 г. на ВЭФ глава MediaLabs в Массачусетском технологическом институте Н. Негропonte в докладе, посвященном преимуществам использования информационно-коммуникационных технологий в экономической деятельности, ввел в оборот понятие digital economy, определив цифровую экономику как экономическую деятельность, основанную на цифровых технологиях. Залогом успеха компании в этой реальности стала гибкость, т.е. способность оперативно реагировать на изменение рыночной ситуации (табл. 5).

На признании ведущей роли ИКТ базируется один из наиболее распространенных подходов к глобализации (О. В. Братимов, Ю. М. Горский, М. Г. Делягин, А. А. Коваленко и др.). Так, например, М. Г. Делягин трактует глобализацию как «вступление

Таблица 5

Различия между промышленной и информационной эрами
 Table 5. Differences between the Industrial Era and the Information Era

Промышленная эра	Информационная эра
Рынок продавца	Рынок покупателя
Предсказуемость	Непредсказуемость
Эволюционное развитие	Скачкообразное развитие
Капитал — ограниченный ресурс	Менеджмент и информация — ограниченный ресурс
Рентабельность за счет эффекта масштаба	Рентабельность за счет гибкости
Ориентация на внутренний рынок	Ориентация на глобальный рынок
Постоянный рост	Быстрое реагирование
Максимизация прибыли на вложенный капитал	Расширение полномочий сотрудников
Планирование «сверху вниз»	Учет мнений всех сотрудников
Иерархическая структура	Децентрализация
Концентрация на финансовых показателях	Концентрация на финансовых и нефинансовых показателях
Согласованность действий	Свобода инноваций

в стадию постиндустриального общества, как качественное изменение характера экономики под воздействием компьютерных технологий» [2]. Это, конечно, так и есть, но сущность глобализации проявляется также в сращивании экономик стран мира в единую экономику при одновременном подчинении национальных экономик транснациональным (в основном, англо-американским корпорациям), что предметно рассмотрено в работе У.Г. Николаевой [7]. Этот факт, безусловно, необходимо учитывать при исследовании перспектив достижения УР. Результатом развития глобализации и усиления влияния транснациональных корпораций стало смещение фокуса концепции УР от национального уровня — к корпоративному уровню.

Понятие цифровой экономики можно рассматривать в широком и узком смысле слова. В узком смысле слова цифровая экономика рассматривается как часть экономики или ее определенный сектор, характеризующийся бизнес-моделями, основанными исключительно на цифровых технологиях, т. е. сектор электронной коммерции. В более широком смысле слова цифровая экономика представляется не только как электронная коммерция, основанная на онлайн-технологиях, но и реальное производство, основанное на внедрении цифровых технологий непосредственно в процесс создания экономических благ.

По оценке, к 2030 г. рост ВВП будет более чем на 50% обусловлен процессом цифровизации (1,47% из 2,75% ежегодного прироста ВВП), в первую очередь, в результате повышения эффективности и конкурентоспособности всех секторов экономики [9, с. 38]. К 2030 г. цифровизация секторов экономики, согласно расчетам ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, обеспечит 18,4% роста ВВП России, что больше, чем совокупный вклад всех прочих факторов; а если учитывать общий вклад цифровизации секторов экономики и вклад индустрии информации, то это составит 20,7% роста ВВП (табл. 6).

Мы согласны с мнением В. М. Кулькова о том, что современная экономика представляет собой, собственно, результат цифровой трансформации [5]. При этом цифровую трансформацию можно определить как совокупность качественных изменений в бизнес-процессах или бизнес-моделях в результате внедрения цифровых технологий, которые приводят к значительным социальным-экономическим эффектам. Внедрение цифровых технологий сокращает расстояния, ускоряет сделки, вытесняет с рынка посредников; все больше компаний стремятся перенести бизнес-процессы в цифровую среду, тем самым существенно снижая транзакционные издержки и значительно повышая уровень экономической деятельности.

Важнейшим конкурентным преимуществом компании становится способность обработки и анализа больших объемов данных, а предпосылкой УР-способность в разы быстрее, чем 20–30 лет назад, реагировать на изменяющиеся потребности клиентов и быстро выводить на рынок новую продукцию и новые услуги через электронные каналы продаж. Сегодня именно цифровые гиганты (Facebook, Google, Microsoft, Apple, Amazon) достигли рекордной рыночной капитализации, а их совокупная стоимость составляет значительную долю от всего биржевого индекса S&P 500 [10, с. 8]. Столь сильные рыночные изменения связаны с распространением бизнес-моделей, основанных на цифровых технологиях, примерами которых являются:

- цифровые платформы и экосистемы, позволяющие ускорить доступ и сократить затраты потребителей к товарам и услугам;
- новые системы финансирования, включая краудфандинг;
- монетизация персональных данных и профилей, обеспечивающая таргетированное предложение, включая ценообразование и формирование индивидуализированных пакетов продуктов и услуг;
- сервисные модели предоставления ресурсов (Bank-as-a-Service — BaaS; Infrastructure-as-a-Service — IaaS).

Оценка вклада цифровизации в рост ВВП Российской Федерации
 Table 6. Assessment of the contribution of digitalization to gross domestic product growth in the Russian Federation

Год	Вклад цифровизации в рост ВВП России накопленным итогом, %		
	вклад цифровизации секторов экономики	вклад индустрии информации	за счет прочих факторов
2017	1,0	0,1	0,4
2018	2,2	0,2	0,9
2019	3,0	0,3	1,3
2020	4,3	0,4	1,9
2021	5,6	0,6	3,5
2022	6,9	0,8	5,2
2023	8,3	1,0	6,8
2024	9,7	1,2	8,5
2025	11,1	1,3	10,2
2026	12,5	1,5	11,9
2027	13,9	1,7	13,6
2028	15,3	1,9	15,2
2029	16,6	2,1	16,7
2030	18,4	2,3	17,8

Источник: [11, с. 12].

В качестве примера внедрения новой бизнес-модели, соответствующей цифровой трансформации компании добывающей отрасли, можно привести «Добычу как услугу» (Mining-as-a-Service). В соответствии с этой моделью, важной характеристикой которой является построение широкой партнерской сети, добычу и переработку полезных ископаемых осуществляет сервисная компания, а их продажу — владелец прав на ресурсы [13].

Компании будут активнее использовать преимущества цифровых технологий в своей деятельности, так как все большее число хозяйствующих субъектов интегрируют ESG-принципы в стратегии бизнеса. В новой реальности цифровая трансформация объективно является одним из ключевых факторов устойчивого развития, цифровые технологии позволяют прогнозировать результаты производственных процессов, обеспечивают прозрачность и эффективность деятельности, создают новые возможности роста. Недаром сегодня термин ESdigital (синергия «ESG» и «Digital») логично встраивается в повестку ответственного ведения бизнеса.

Обсуждение

Несмотря на то, что ведущие компании мира уже восприняли ESG-трансформацию как объективную реальность и выстраивают свои бизнес-процессы в соответствии с принципами экологичности, социальности и корпоративности, существуют ESG-риски, которые необходимо учитывать при формировании корпоративных стратегий.

Основным E-риском является влияние климатического фактора. Во многих странах разработана и реализуется государственная политика защиты окружающей среды, накладывающая соответствующие ограничения на экономическую деятельность компаний. Введение углеродного налога на импортные товары, ввозимые в страны ЕС, будет оказывать негативное влияние на капитализацию компаний, если не принять должные меры.

S-риски обусловлены влиянием, которое компания оказывает на стейкхолдеров (сотрудников, клиентов, поставщиков, местные сообщества), и нарушение социальных критериев приводит к негативным последствиям для компаний. Улучшению ESG-рейтинга компании будут способствовать создание благоприятных условий труда, эффективная система мотивации персонала, внедрение корпоративных пенсионных программ, предотвращение недобросовестных продаж и т. д.

Развитие корпоративных G-принципов характеризуется ростом интереса к сбалансированному корпоративному управлению, которое становится более технологичным, точным и измеряемым. Нарушение нормативных требований, кодекса корпоративного управления, несоблюдение корпоративной этики, несвоевременное раскрытие информации и нарушение интересов акционеров могут повлечь за собой финансовый и репутационный ущерб компании.

Цифровая трансформация экономики влечет за собой существенные изменения в отношении собственности, вносит коррективы в систему взаимодействия между собственниками и пользователями. Возможность получения доступа к благам ценится гораздо выше, чем обладание ими, а коммерциализация объектов личного пользования становится нормой. Этот феномен получил название «экономики совместного пользования», особенностью которой является то, что владение рыночными товарами устаревает, а право владения постепенно заменяется правом доступа к использованию ресурсов. Открытой платформой для заключения сделок вместо рынков выступают интернет-порталы и мобильные приложения, что несет серьезные риски для собственников и государства. Отсутствие юридически оформленных обязательств участников сделки ведет к риску ненадлежащего использования чужой собственности. Для государства новая модель сопровождается риском снижения налоговых поступлений в бюджет и увеличением объемов теневой экономики.

Цифровая трансформация несет также угрозы экономической безопасности бизнеса. Вне зависимости от национальных условий функционирования хозяйствующих субъектов, в качестве таких угроз можно отметить: ресурсное замещение, связанное с высокими альтернативными издержками; рост интеллектуальной собственности; атаки хакеров; промышленный шпионаж. Для преодоления этих угроз необходимо смещение акцента на нематериальную сферу, где первостепенны человеческие знания и навыки, внедрение систем кибербезопасности и защиты коммерческой тайны.

Заключение

В результате выполненного исследования сделаны следующие выводы.

1. В современных условиях функционирования экономических систем цели устойчивого развития, сформулированные ООН, являются ориентиром для разработки стратегий развития не только на государственном уровне, но и на уровне отдельных компаний; новым вектором развития бизнеса в концепции УР является ESG-трансформация.
2. Результатом развития глобализации и усиления влияния транснациональных корпораций стало смещение фокуса концепции УР от национального уровня — к корпоративному уровню.

3. Общее направление ESG-подхода к управлению развитием экономических систем всех уровней (от национального до корпоративного) будут задавать международные тренды по УР.
4. В наибольшей степени совокупность ЦУР ООН соотносятся с социальным критерием (11 из 17 целей), в то время как на экологический критерий и критерий корпоративного управления приходится по 8 целей; полное совпадение по всем ESG-критериям наблюдается по двум целям: «Индустриализация, инновации и инфраструктура»; «Ответственное потребление и производство».
5. Наиболее значимыми для компаний в краткосрочной перспективе являются экологические и социальные риски; в долгосрочной перспективе наиболее значим критерий «Оценка климатических рисков на уровне активов».
6. При разработке и реализации корпоративных стратегий необходимо учитывать ESG-риски, а также возможные угрозы экономической безопасности (ресурсное замещение, рост интеллектуальной собственности, кибератаки, промышленный шпионаж).

Осознание важности УР и пересмотр глобального взгляда на мир пришли в последней четверти XX в., когда стала очевидной степень обострения системных кризисов и глобальных вызовов общественному развитию, проявившихся в нарастании экологических проблем, изменении климата, уровне социального неравенства. Устойчивым (сбалансированным) развитием стали обозначать равновесное состояние социально-экономических систем различного уровня, которое возможно достигнуть при равновесии трех ключевых составляющих: экономический рост, экологический баланс и социальная ответственность.

Концепция УР эволюционно развивалась, впитывая в себя прогрессивные достижения человеческой мысли и к началу третьего тысячелетия стала более конкретной и осязаемой. Необходимо подчеркнуть, что ее становление и развитие проходило в других, более предсказуемых условиях, которых в настоящее время уже не существует. «Зеленая» повестка стала предельно политизированной, а инициатива нетто-нейтральности («нулевого» углеродного следа) ЕС превратилась в инструмент конкурентной борьбы за ресурсы и территории.

В современных условиях становления многополярного мира, глобального изменения прежней архитектуры мира, социально-экономического и политического ландшафта, концепция УР объективно не может не измениться. В этой реальности устойчивое, сбалансированное развитие социально-экономической системы достигается при равновесии трех ключевых составляющих (экономический рост, экологический баланс, социальная ответственность), но при одном необходимом условии: обеспечение безопасности и защищенности этой системы.

Таким образом, актуализированную концепцию УР можно охарактеризовать как концепцию, позволяющую обеспечить экономический рост при его сбалансированности с потребностями общества по улучшению качества жизни, предотвращению деградации окружающей природной среды, обеспечению безопасности и защищенности. По нашему мнению, именно в этом направлении будет осуществляться дальнейшая эволюция концепции УР.

Литература

1. Благов Ю. Е. Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента. 2004. № 3. С. 17–34.
2. Делягин М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М. : Инфра-М, 2003. 768 с.
3. Камынин В. А. Устойчивое развитие компании: траектовка, методы и модели // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 4. С. 533–550.
4. Куклина Е. А. Стратегия цифровой трансформации как инструмент реализации бизнес-стратегии компании нефтегазового сектора современной России // Управленческое консультирование. 2021. № 6. С. 40–53.

5. Кульков В. М. Цифровая экономика: надежды и иллюзии // *Философия хозяйства*. 2017. № 5. С. 145–156.
6. *Наше общее будущее*. Доклад субъектов Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / под ред. и с послесл. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета. М.: Прогресс, 1989. 376 с.
7. Николаева У. Г. Экономическая архаика и современность. М.: «Дашков и К^о», 2005. 224 с.
8. *О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию*: Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 // *Российская газета*. 1996. № 67.
9. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение* / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др.; науч. ред. Л. М. Гохберг. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 2019. С. 35–36.
10. *Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты*: докл. к XXII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 13–30 апр. 2021 г. / Г. И. Абдрахманова, К. Б. Быховский, Н. Н. Веселитская, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др.; рук. авт. кол. П. Б. Рудник; науч. ред. Л. М. Гохберг, П. Б. Рудник, К. О. Вишневецкий, Т. С. Зинина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 239 с.
11. *Цифровая трансформация экономики: государство, бизнес, общество*: монография / науч. ред. Н. П. Кононкова. М.: ТЕИС, 2019. 160 с.
12. Carroll A. B. (1999). Corporate social responsibility: Evolution of definitional construct // *Business and Society*. 1999. P. 268–295.
13. Dunbar W., Fraser J., Reynolds A., Kunz N. Mining Needs New Business Models // *The Extractive Industries a. Soc.* 2020. Vol. 7. N 2. P. 263–266.

Об авторе:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; jeakuklina@mail.ru

References

1. Blagov Yu. E. Concept of Corporate Social Responsibility and Strategic Management // *Russian Management Journal [Rossiiskii zhurnal menedzhmenta]*. N 3. 2004. P. 17–34 (in Rus).
2. Delyagin M. G. World crisis. General theory of globalization. M.: Infra-M, 2003. 768 p. (in Rus).
3. Kamynin V. A. Sustainable development of the company: interpretation, methods and models // *Russian entrepreneurship [Rossiiskoe predprinimatel'stvo]*. 2017. Vol. 18. N 4. P. 533–550 (in Rus).
4. Kuklina E. A. Digital transformation strategy as a tool for implementing the business strategy of a company in the oil and gas sector of modern Russia // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2021. N 6. P. 40–53 (in Rus).
5. Kulkov V. M. Digital economy: hopes and illusions // *Philosophy of economy [Filosofiya khozyaistva]*. 2017. N 5. P. 145–156 (in Rus).
6. *Our shared future*. Report of the actors of the International Commission on Environment and Development (ICAD): Translation from English/Ed. of S. A. Evteeva and R. A. Perelet. M.: Progress, 1989. 376 p. (in Rus).
7. Nikolaeva U. G. Economic Archaic and Modernity. M.: “Dashkov and Co.,” 2005. 224 p. (in Rus).
8. *On the Concept of the transition of the Russian Federation to sustainable development*: Decree of the President of the Russian Federation of April 01, 1996 N 440 // *Rossiyskaya Gazeta*. 1996. N 67. (in Rus).
9. *What is the digital economy? Trends, competencies, measurement* / G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg and others; scientific. ed. L. M. Gohberg. M.: Ed. House of the Higher School of Economics. 2019. P. 35–36 (in Rus).
10. *Digital transformation of industries: starting conditions and priorities*: report to XXII April international scientific. conf. on the development of the economy and society, Moscow, April 13–30, 2021 / G. I. Abdrakhmanova, K. B. Bykhovsky, N. N. Veselitskaya, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg and others. Higher School of Economics. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2021. 239 p. (in Rus).

11. Digital transformation of the economy: state, business, society: Monograph/collective of authors: under scientific. ed. N. P. Kononkova. M.: TEIS, 2019. 160 p. (in Rus).
12. Carroll A. B. (1999). Corporate social responsibility: Evolution of definitional construct // Business and Society. 1999. P. 268–295.
13. Dunbar W., Fraser J., Reynolds A., Kunz N. Mining Needs New Business Models // The Extractive Industries a. Soc. 2020. Vol. 7. N 2. P. 263–266.

About the author:

Evgenia A. Kuklina, Professor of the chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economy), Associate Professor; jeakuklina@mail.ru